AMC

STARTLING STORIES

MAY
25¢

THE SEED FROM SPACE

A novel of earth's strangest invasion

By FLETCHER PRATT

LETTERS OF FIRE

A fantasy of Hollywood gone haywire

By MATT LEE

A THRILLING PUBLICATION

EARLE BERGEY

Колыбель творения

Эдмонд Мур Гамильтон, Ли Дуглас Брэкетт

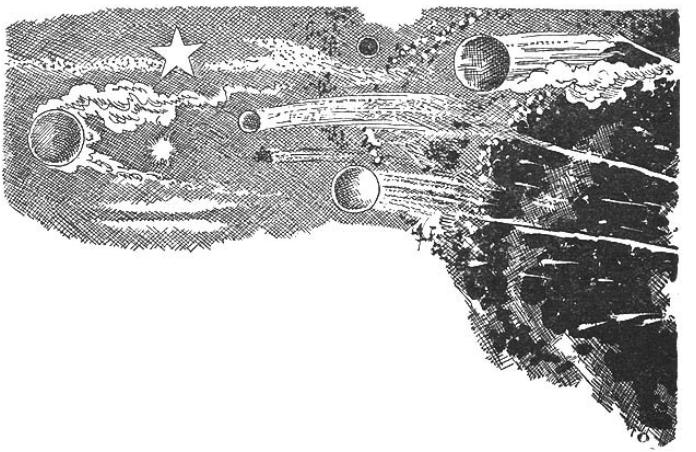
Аннотация
Эдмонд Гамильтон, Ли Брэкетт. Колыбель творения
Глава I. Цитадель Фьючерменов
Глава II. Космическая тайна
Глава III. Колыбель
Глава IV. Сила Наблюдателей

Аннотация

Капитан Фьючер, движимый тягой к познанию, пускается в самое опасное приключение в своей жизни; его цель — центр галактики — место, где рождается материя.

© Tatooine

Эдмонд Гамильтон, Ли Брэкетт. Колыбель творения

© Edmond Hamilton, Leigh Brackett. Birthplace of Creation, "Startling Stories", May 1951

Глава I. Цитадель Фьючерменов

Гарранд смотрел, как в переднем иллюминаторе его маленького крейсера все увеличивается лик Луны. Белый и страшный лик, думал он. Череп мертвеца с обглоданными метеоритами костями и зияющими ранами кратеров — бледный, жестокий и безмолвный. Череп, что следит за его приближением и лелеет на его счёт тайные зловещие мысли. Внутри у него нарастала тошнота.

— Я дурак, и скоро, вероятно, стану мёртвым дураком, — сказал он себе.

Он не был храбрецом. Он очень любил жизнь и вовсе не считал смерть чем-то таким, над чем можно посмеиваться или бросать ей вызов. Мысль о том, что он, вероятно, испустит дух здесь, на Луне, вызывала в нем приступы почти физической боли, от которых он стал таким же белым и изможденным, как тот каменный лик, что пялился на него из-за стекла. И все же он не повернул назад. В глубине души Гарранда жило нечто посильнее страха. Руки его дрожали, но они железной хваткой держали крейсер на курсе.

Застывшие равнины и горные хребты обретали

объем и форму — одинокие лунные горы, взирающие в пустоту, и пустоши, где не шелохнется ни единая пылинка, где нет даже самого слабого дуновения ветра. Люди уже вышли к другим мирам и звездам. Они бороздили просторы космоса, основывая колонии на астероидах и города на берегах чужих морей. Но мертвую, лишённую атмосферы Луну они оставили в покое. Взглянули на нее однажды — и ушли. Лишь четверо сделали Луну своим домом, и не все из этой четверки были людьми.

Под маленьким кораблем раскинулся кратер Тихо. Облизывая сухие губы, на которых застыл металлический привкус страха, Гарранд сверился с картой. Она была вычерчена строго в масштабе и среди этого запустения указывала на сложную схему искусственного сооружения. В этой схеме имелись зловещие пробелы, и Гарранд помнил о них с мучительной отчетливостью. Проведя расчеты, он посадил корабль далеко за внешним периметром оборонительных сооружений, отмеченных на карте.

Посадка вышла неуклюжей и нервной. Белая пемзовая пыль взметнулась вокруг корпуса и медленно осела. Гарранд выключил двигатели и некоторое время сидел неподвижно, глядя

через иллюминатор на Тихо — кольцо далеких утесов, шпилей и зубчатых скал, сверкавших под беспощадным светом солнца. На поверхности не было и следа строения, указанного на карте. Все находилось глубоко под землей. Даже купол обсерватории был установлен вровень с почвой, отражая беспощадный солнечный свет не сильнее, чем окружающая равнина.

Наконец Гарранд поднялся со скованной неохотой человека, идущего на казнь. Он еще раз проверил громоздкое снаряжение, занимавшее почти весь отсек. Осмотр был тщательным; кое-что он поправил и перенастроил. Затем с трудом влез в скафандр и открыл шлюз. Воздух со свистом вырвался наружу, и после этого наступила полная тишина — абсолютное безмолвие мира, не слышавшего ни звука с момента своего сотворения.

Работая в вакууме, Гарранд вытащил наружу легкие ручные сани и установил их на пыльный грунт. Затем он вынес тяжелые блоки оборудования и погрузил их на сани. Благодаря слабой гравитации он справился в одиночку, и по той же причине смог сам тащить нагруженные сани за собой.

Он двинулся по дну кратера. Солнечный свет

слепил нещадно. По лицу Гарранда медленно потекли струйки пота. Он страдал в тяжелой броне, с трудом переставляя один утяжеленный ботинок за другим; при каждом шаге взлетали и тут же оседали облачка пыли, а следом тянулись сани. И по мере продвижения вперёд в нем неуклонно рос страх.

Он знал — вся Солнечная система это знала, — что четверых обитателей Луны сейчас здесь нет, что они далеко, на некой охваченной бедами планете. Но их грозное имя, их незримое присутствие словно по-прежнему витали над этим мертвым шаром, и теперь Гарранд шел прямо в пасть смертоносных защитных систем, оставленных ими.

— Их можно одолеть, — убеждал он себя, обливаясь потом. — Я должен их победить.

Он снова изучил карту и точно определил расстояние отделявшее его от корабля. Тщательно рассчитав безопасный радиус и держась на изрядном удалении от предполагаемой границы, он активировал детекторный механизм на санях. Шлем его скафандра был оснащён ультрачувствительными устройствами: они преобразовывали субэлектронные импульсы от детектора в слышимые звуковые сигналы.

Он замер, напряженно прислушиваясь. Но детектор безмолвствовал, и Гарранд двинулся дальше — теперь уже крайне медленно и осторожно — через мертвую пустошь, пока его следы на пыли не приблизились к линии внешнего круга, отмеченного на карте. И тогда детектор отозвался негромким, частым пощелкиванием.

Гарранд остановился. Он склонился над панелью механизма — нагромождением шкал, селекторов, индикаторов частот и волновых структур. Над ними на экране из матового стекла горела красная точка. Сердце бешено колотилось; он поспешно потянулся к черному продолговатому блоку, стоявшему рядом с детектором.

«Я все еще достаточно далеко, — подумал он. — Если эта штука не сработает, взрыв не будет смертельным».

Мысль была утешительной, но неубедительной. Он заставил руку не дрожать, взял четырехконтактные штекеры и вставил их — один за другим, в строго определенном порядке — в разъемы на боку детектора. Затем он пригнулся за санями и стал ждать.

Черный блок зажужжал. Гарранд чувствовал эту вибрацию там, где его плечо касалось металла саней. Прибор был сконструирован так,

чтобы считывать данные с детектора, обрабатывать их, автоматически подстраиваться под нужную частоту и структуру сигнала и создавать электронный барьер. Этот барьер должен был заглушить импульсы сенсорного блока скрытой ловушки. Таково было его назначение. Все должно было сработать. Но если нет…

Он ждал, чувствуя, как напряглись мышцы живота. Ни вспышки, ни содрогания почвы от взрыва не последовало. Медленно досчитав до ста, Гарранд поднялся и взглянул на приборы. Красная точка на матовом стекле погасла. Вместо нее зажглась белая.

Гарранд смотрел на этот белый огонек, словно на лик своего святого покровителя, медленно таща сани через внешний круг и через те, что лежали за ним и о существовании которых можно было только догадываться. Еще трижды в ушах раздавалось тревожное щелканье, менялись показания шкал и стрелок — и трижды точка сменяла цвет с красного на белый. И Гарранд все еще был жив, когда добрался до металлического клапанного люка, врезанного в дно кратера.

Элементы управления люком отчётливо виднелись перед ним, но Гарранд не стал к ним прикасаться. Вместо этого он снял с саней

портативный сканер и с его помощью изучил внутреннюю молекулярную структуру металла и все цепи системы управления. Так он обнаружил ту самую головку болта, что служила переключателем; повернув её, он обезвредил устройство, призванное уничтожить незваного гостя, едва тот откроет люк.

Спустя считанные минуты Гарранд уже распахнул дверь и замер на верхней ступеньке крутой лестницы, ведущей вниз. Сердце его по-прежнему тяжело колотилось, колени предательски дрожали, но теперь к страху примешивались ликование и гордость. «Немногие, — подумал он, — а может, и вовсе никто… смогли бы благополучно проникнуть к порогу этого самого неприступного места во всей Солнечной системе».

Он не ослаблял бдительности. По темной лестнице вслед за ним отправилась внушительная часть снаряжения, включая сканер. Люк за спиной автоматически закрылся; в небольшой камере, находившейся внизу, Гарранд подождал, пока выровняется давление, после чего так же автоматически открылась следующая дверь. Больше он не встретил никаких угроз, кроме системы тревожной сигнализации, которую он тут же вывел из строя — не потому, что её мог кто-то

услышать, а потому, что он знал: сигнализация наверняка связана с регистраторами. Ему не нужны были никакие следы его визита, ни звуковые, ни визуальные.

Сами записывающие устройства обнаружились довольно легко. С помощью прибора, взятого специально для этой цели, Гарранд заблокировал их релейные системы и двинулся дальше, через огромный круглый центральный зал с куполом из глассита, сквозь который лился солнечный свет. С завороженным изумлением истинного ученого он разглядывал разнообразную лабораторную аппаратуру в этом зале и в прилегающих к нему помещениях поменьше, пока не наткнулся на то, ради чего пришел сюда — тяжелую запертую дверь хранилища, уходящего глубоко в лунную породу.

Гарранд долго возился с дверью. Тишина начинала давить на него, как и тревожное осознание того, что он находится там, где не имеет права быть. Он невольно начал прислушиваться, ожидая услышать голоса и шаги тех, кто мог войти и застать его здесь.

Они были далеко, и Гарранд понимал, что он в безопасности.

И все же он не был прирожденным преступ-

ником, и теперь, когда проверка его мастерства осталась позади, в нем все сильнее росло чувство вины — липкое, почти физическое ощущение собственной нечистоты. Чужие вещи словно обвиняли его: раскрытая книга, пара ботинок, кровати, сундуки и одежда. Будь это просто лаборатория, он бы не так сильно переживал, но это было ещё и жилище, и Гарранд чувствовал себя обыкновенным воришкой.

Это чувство мгновенно исчезло, стоило ему войти в хранилище. В этой огромной лунной пещере находилось множество вещей, но Гарранд лишь скользнул по ним мимолетным взглядом, устремившись к массивным стеллажам. Там хранились катушки с данными, относящимися к космическим рейсам.

При ярком свете, вспыхнувшем когда открылась дверь, Гарранд принялся изучать стеллажи, разбираясь в хитросплетениях системы архивации. Он снял шлем. Его руки заметно дрожали, дыхание было шумным и неровным, но всё это были лишь внешние проявления.

Его разум, столкнувшись со сложной задачей, по многолетней привычке перешел в режим эффективности счетной машины, и вскоре он нашел то, что искал.

Он взял катушку обеими руками — бережно, словно она была сделана из тончайшей материи сновидений и могла рассыпаться от одного дыхания. Отнес её к большому столу, стоявшему у стеллажей, и заправил конец ленты в считывающее устройство. Лицо его побледнело и словно закаменело, лишь уголки рта слегка подергивались. Рядом со считывателем он установил свой последний прибор — фотозвуковой регистратор, предназначенный для копирования мастер-катушек; синхронизировал их и щелкнул тумблерами.

Катушки завращались — одна отдавая запись, другая принимая ее, а Гарранд неподвижно стоял над просмотровым экраном, вглядываясь в изображения, которым не было цены, и слушая голоса, повествующие о тайнах космоса. Когда лента закончилась, он еще долго не мог пошевелиться. Перед его глазами все еще проносились образы увиденного, они были странно тусклыми и сияющими одновременно — сияющими и бесконечно далекими.

Наконец он встряхнулся и рассмеялся — коротким прерывистым смехом, который легко мог бы сойти за всхлип. Вернул оригинал на стеллаж, а вторую катушку убрал в специальный чехол на

поясе. В хранилище он оставил всё в точности так, как нашёл, а выйдя снова на поверхность Луны, восстановил работу скрытого механизма, охранявшего внешнюю дверь.

Так же, как он преодолел защитные рубежи на пути сюда, теперь он проходил их в обратном порядке — вдвойне мучаясь страхом, что именно сейчас, когда цель наконец достигнута и добыча у него в руках, он допустит ошибку и погибнет. Тени от краев кратера ползли к нему, резкие и черные. Последнее предостерегающее щелканье детектора, последняя смена цвета точки с красного на белый — и вот он в безопасности, бежит к кораблю, ныряя в острую очерченную, как отрезанную ножом, темноту теней.

Задолго до наступления лунной ночи он покинул Луну, мчась через узкий космический пролив к Земле. Он не знал, как выплеснуть охватившее его безумное ликование, и потому сдерживал его в себе, но оно всё равно нашло отражение в его лице и глазах.

— Завтра, — повторял он себе вслух снова и снова. — Завтра мы отправимся в путь. — Он рассмеялся, обращаясь к кому-то невидимому. — Ты говорил, я не справлюсь, Херрик. Ты говорил, у меня не выйдет!

А позади него темнеющий лик Луны смотрел ему вслед.

Глава II. Космическая тайна

Спустя много дней четверо вернулись домой на Луну. Четверо, из которых лишь один был обычным человеком.

Курт Ньютон, человек; Ото — андроид, или искусственный человек, человечный во всем, кроме своего происхождения; Грэг — исполинский металлический человек, разумный робот; и Саймон Райт — тот, кто когда-то был человеком, но теперь продолжал жить лишь как мозг в странном механическом теле.

Их корабль обрушился с небес, словно металлическая молния. Замаскированные створки подземного ангара бесшумно разошлись, пропуская его, и столь же бесшумно сомкнулись.

В огромный круглый зал под куполом обсерватории вошли четверо Фьючерменов. Курт Ньютон задержался у стены и активировал панель регистратора. Экран был пуст. Он всегда был пуст.

Человек медленно сел — высокий, рыжеволосый, с бронзовым от загара лицом, которое сейчас выглядело очень усталым.

— Думаешь, наша работа там принесёт плоды,

Саймон? — спросил он.

Он обращался к небольшому квадратному металлическому корпусу, парящему перед ним на тяговых лучах; его странное «лицо» с линзами вместо глаз было повернуто к Ньютону. Это был контейнер с сывороткой, в котором протекала жизнь мозга Саймона Райта.

— Я уверен, что больше не будет проблем между «Рудниками Урана» и туземцами, — произнёс Саймон чётко артикулируя, в его речи звучали металлические, искусственные интонации.

Курт нахмурился и вздохнул.

— Хотелось бы верить. Когда же они наконец научатся ладить с примитивными расами других планет?

— Курт, здесь кто-то был, — громко сказал Грэг.

Металлический гигант семи футов ростом стоял, повернув голову; его фотоэлектрические глаза пристально вглядывались в дальний конец большого зала.

— Нет. Я проверил регистраторы, — не оборачиваясь, ответил Ньютон.

— Меня это не волнует, — упорствовал Грэг. — Тот стул у двери хранилища передвинут. Когда мы улетали, я выходил последним и точно помню, где он стоял. Его сдвинули на добрых три

дюйма.

Ото так и прыснул со смеху.

— Послушайте-ка нашего Соколиного Глаза! Три дюйма! — Андроид, внешне настолько похожий на человека, что лишь некий странный отблеск, таившийся в глубине его зеленых глаз, выдавал его нечеловеческую природу, продолжил издевательски: — А ты уверен, что не на два с половиной?

Грэг было начал гневно возражать своим громовым голосом, похожим на рёв туманного горна[1]. Курт раздраженно обернулся, собираясь заставить их замолчать. Но Саймон Райт серьезно произнес:

— Подожди, Кертис. Ты же знаешь, что устройство металлического мозга Грэга делает его память абсолютно фотографической. Если он говорит, что стул сдвинут — значит, он сдвинут.

— Но регистраторы?

— Их могли отключить, сам знаешь. Теоретически это возможно.

— Только теоретически… — начал Курт, но осекся и выругался. — Будь ты проклят, Грэг! И зачем тебе понадобилось сеять во мне семена

---

[1] notes: 1

Туманный горн - сирена, подающая сигналы судам во время тумана.

сомнений? Теперь придется разбирать регистраторы и всё проверять, а это адская работа.

Охваченный раздражением, он вышел из большого зала и вернулся с инструментами. Бросил хмурый взгляд на Грэга:

— Тебе лучше оказаться правым!

Саймон и Ото помогали ему в кропотливой работе по разборке регистраторов. Они тщательно проверяли и микроплёнку, и внутренние релейные цепи — шаг за шагом, деталь за деталью.

Раздражение Курта внезапно испарилось. Он резко взглянул на остальных. Он нашел — едва заметную размытую черту в том месте, где пленка начала вращаться и была остановлена. Релейные цепи теперь были рассинхронизированы на какую-то ничтожную долю микрона.

Ото тихо присвистнул.

— Заблокировано, — сказал он. — И сделано это так изящно… ничего не сгорело, не сплавилось. Искажение настолько малое, что его невозможно заметить, если не знать, что искать.

— Значит, я был прав? — торжествующе пробасил Грэг. — Я знал, что я прав! Когда я вижу, что что-то изменилось, я…

— Замолчи, — оборвал его Курт Ньютон. Он озадаченно посмотрел на Саймона. — Это сделал

не преступник — во всяком случае, не обычный воришка. Чтобы вот так заглушить эти реле, потребовались выдающиеся научные способности.

Паривший в воздухе Саймон погрузился в раздумья.

— Это очевидно. На такое способен только эксперт в области субэлектроники. Но тут есть какое-то несоответствие. Зачем первоклассному ученому пробираться сюда тайком, подобно заурядному грабителю?

Курт повернулся к Грэгу.

— Грэг, посмотри, не передвинули ли или не взяли ли что-нибудь еще?

Металлический гигант зашагал по комнатам. Курт хранил молчание, он был задумчив, и морщины на его загорелом лице становились всё глубже.

Грэг вернулся.

— Нет. Больше ничего не трогали.

— И все же кто-то был, — медленно произнес Курт. Он снова посмотрел на Саймона. — Я тут подумал... Эксперт в субэлектронике... Помнишь того физика-ядерщика из Нью-Йоркского Технологического, которого мы встретили в Правительственном Центре несколько месяцев назад?

— Гаррис? Гарранд… как-то так? Помню. Приятный человечек.

— Да, мне он тоже таким показался — очень увлечен своей работой. Но сейчас я вспомнил, что он задал мне один вопрос…

Курт внезапно замолчал. Он быстро пересек большой зал, отпер дверь хранилища и, оказавшись внутри хранящей безмолвие лунной пещеры, направился прямиком к архивам.

Саймон последовал за ним. И когда Саймон увидел катушку, что Курт взял со стеллажа, его линзы-глаза с поразительной быстротой уставились на Ньютона.

— Кертис, нет! Ты же не думаешь…

— Он спрашивал меня именно об этом, — сказал Курт. — О Колыбели.

Это слово торжественным эхом заметалось между холодных каменных стен. Курт смотрел на Саймона, но не видел его; перед его взором вставали жуткие, внушающие трепет образы, жившие в памяти, и лицо его изменилось — на нём появилось странное выражение, совершенно не характерное для такого человека, как Курт Ньютон. Выражение страха.

Саймон спросил:

— Как он мог узнать о Колыбели?

Это слово никогда и ни при ком не произносилось. Они и сами-то едва решались произносить его между собой. Подобная тайна не предназначалась для человеческих ушей или для использования людьми, и они оберегали её тщательнее, чем все остальные знания, которыми владели. Теперь же одно лишь упоминание о ней заставило Грэга и Ото подойти к двери и породило внезапное напряжение, наполнившее пещеру тревожной тишиной.

— Он связал теоретическую возможность с той работой, что мы вели на Меркурии, — тяжело вздохнув, проговорил Курт. — Он блестящий ученый, Саймон. Слишком блестящий.

— Возможно, — вмешался Грэг, — он просто искал секрет и не смог его найти. В конце концов, наша система архивации…

Курт покачал головой.

— Если он сумел проникнуть сюда, то нашел бы всё, что хотел. — Он осмотрел катушку. — Он мог сделать копию, и мы бы никак не узнали об этом.

Он ещё мгновение стоял неподвижно. Никто не проронил ни слова. Ото внимательно изучал его лицо и быстро переглянулся с Саймоном. Тот беспокойно заёрзал на своих силовых лучах.

Курт вернул катушку на место и обернулся.

— Мы должны выяснить про этого человеке всё. Отправляемся в Нью-Йорк. Немедленно.

Очень скоро «Комета» поднялась из тёмного провала ангарных ворот и устремилась к огромному зелёному шару Земли.

А еще спустя некоторое время в штаб-квартире Планетарной полиции в Нью-Йорке старый маршал Эзра Гурни в полном изумлении уставился на Курта Ньютона.

— Гарранд? — переспросил он. — Но ведь он уважаемый человек… учёный!

— И тем не менее, — мрачно отрезал Курт, — мне нужна вся информация, которую ты сможешь раздобыть, и как можно скорее.

Вмешался Саймон:

— Это дело не терпит отлагательств, Эзра. Мы не можем позволить себе терять время.

Седовласый старый космопроходец перевел взгляд с одного на другого, а затем посмотрел на Ото.

— Что-то действительно скверное, да? Ладно, сделаю всё, что в моих силах.

Он вышел из кабинета. Ото прислонился к стене и замер, наблюдая за Куртом. Саймон парил над столом. Ни один из них не нервничал. Курт же

беспокойно мерил комнату шагами, погруженный в тяжкие думы; его руки то и дело касались разных предметов и тут же их отстранялись от них — в этих жестах сквозило напряжение, натянутое как струна. На стене негромко жужжал сложный мультихрон, и минуты текли — на Земле, на Марсе, на далеких планетах Системы. Никто не произносил ни слова, а Эзра всё не возвращался.

Наконец Саймон произнёс:

— Эзре в любом случае потребуется время.

— Время! — воскликнул Курт. — Если Гарранд завладел секретом, у нас нет времени.

Он мерил шагами маленькую аккуратную комнату, терзаемый тяжёлыми мыслями. Когда дверь открылась, он резко обернулся и посмотрел на Эзру так, словно увидел перед собой своего палача.

— Ну?

— Гарранд покинул Землю двадцать первого числа, — сообщил Эзра. — Он улетел на собственном корабле — судя по всему, это экспериментальная модель, над которой он работал какое-то время вместе с неким человеком по фамилии Херрик, являющимся так же и главным пилотом. Пункт назначения не указан. Цель — исследова-

ние космических лучей за пределами Системы. Благодаря репутации и положению Гарранда, с разрешением на вылет проблем не возникло. Это всё, что мне удалось узнать.

— Этого достаточно, — сказал Курт. — Более чем достаточно.

Его лицо осунулось, и сквозь загар проступила бледность. Он выглядел изможденным и каким-то странно изменившимся. Эзра подошел к нему и прямо спросил:

— В чем дело, Курт? Что именно Гарранд украл из лаборатории?

Курт ответил:

— Он похитил тайну Колыбели Материи.

Эзра непонимающе уставился на него.

— А ты можешь мне доверить эту тайну?

— Теперь — могу, — с отчаянием произнес Курт. — Потому что теперь это известно Гарранду… и тому, другому.

— Так что же это такое?

— Эзра, это тайна сотворения.

Повисло долгое молчание. По лицу Гурни было ясно: само это понятие слишком огромно, чтобы он мог сразу его осмыслить. Но Курт Ньютон не спешил продолжать. Он смотрел куда-то вдаль, его лицо было осунувшимся и изможденным.

— Нам придется отправиться туда, — негромко сказал он. — Придется. А я надеялся, что никогда туда не вернусь.

Безэмоциональные глаза Саймона были устремлены на него. Ото громко произнёс:

— Чего там бояться? Мы и раньше проходили сквозь эти вихри. А что до Гарранда и его напарника…

— Я их не боюсь, — ответил Курт Ньютон.

— Я знаю, — проговорил Саймон. — Только я был вместе с тобой в святилище Наблюдателей. Я знаю, чего ты боишься — самого себя.

— Я все равно не понимаю, — сказал Эзра. — Тайна сотворения… мира? Сотворения чего-то ещё?

— Вселенной, Эзра. Всего сущего во Вселенной.

На изборожденном морщинами лице Гурни отразилось странное сочетание благоговения и изумления. Он молчал, ожидая продолжения.

— Помнишь, — сказал ему Курт, — как мы вернулись из нашей первой экспедиции в дальний космос? Помнишь, как сразу после этого мы спроектировали заводы по сборке электронов, с тех пор использующиеся для пополнения истощающейся атмосферы Меркурия? Откуда, по-твоему, мы взяли эти знания — как манипулировать

электронами, превращая их в нужные виды материи в промышленных масштабах?

Гурни прошептал:

— Ты добыл эти знания там, в дальнем космосе?

— В дальнем-дальнем космосе, Эзра. Близ центра нашей Галактики, среди густых звездных скоплений и туманностей за созвездием Стрельца. Там бьется сердце нашей Вселенной.

Он взмахнул рукой.

— Еще в двадцатом веке ученый Милликен первым догадался об истине. Материя Вселенной постоянно распадается, превращаясь в излучение. Милликен верил, что где-то во Вселенной есть место, где излучение каким-то образом вновь преобразуется в материю, и что так называемые космические лучи — это «первый крик» новорожденной материи. Источник нашей материальной Вселенной, колыбель материального мира.

В выцветших старых глазах Эзры читался благоговейный трепет.

— И вы нашли это? И никогда не рассказывали… не давали никому повода заподозрить…

— Гарранд заподозрил, — горько бросил Курт. — Он связал нашу работу на Меркурии с той таинственной экспедицией. Он пытался выведать

у меня правду, а когда я ничего не сказал, он отправился на Луну и рискнул жизнью, чтобы украсть наши записи. И теперь он летит туда, чтобы найти всё самостоятельно.

Саймон Райт мрачно произнес:

— Если он попытается завладеть ею, его ждет лишь катастрофа. Я видел, что там едва не случилось с тобой, Кертис.

— Это моя вина, — резко ответил Курт. — Нам не следовало оставлять никаких записей. Но я так и не смог заставить себя их уничтожить. — Он помедлил и быстро продолжил: — Мы должны его настичь. Что на уме у того второго, Херрика, мы не знаем. Но Гарранд — фанатичный исследователь; он начнет копаться в инструментах Наблюдателей, как это делал я. И он может не остановиться там, где остановился я!

Эзра вскочил на ноги.

— Я могу отправить за ним крейсеры уже через час.

— Им его не догнать, Эзра. Только «Комета» на это способна. Нам нужно провести кое-какие приготовления, и это займет время. Но даже так — шанс поймать его остается.

Он повернулся и быстро направился к двери, словно физические действия могли помочь ему

избавиться от невыносимого напряжения. Эзра остановил его.

— Курт, подожди! Позволь мне пойти с вами. Я должен быть там, сам понимаешь, раз уж дело касается поимки преступника.

Ньютон посмотрел на него.

— Нет, Эзра. Тебя просто влечет туда соблазн этой тайны, как когда-то меня. Как когда-то меня… Нет.

В разговор вмешался металлический голос Саймона:

— Пусть летит с нами, Кертис. Думаю, он может понадобиться нам… может понадобиться тебе.

Они обменялись короткими взглядами. Затем Кертис молча кивнул.

И вот «Комета» на крыльях пламени понеслась обратно к Луне — теперь на её борту было уже пятеро. В последующие часы закрытые створки ангара в безмолвном кратере Тихо ничем не выдавали лихорадочной, отчаянной деятельности, кипевшей за ними.

Но менее чем через двадцать четыре часа после возвращения с Урана корабль покинул Луну во второй раз. Он пронесся сквозь планетарные орбиты, словно беглый узник, прорывающийся сквозь решётки; на мгновение замер за Плуто-

ном, переходя в новый режим движения, и исчез во внешней тьме.

Глава III. Колыбель

«Комета» была лишь искрой, пылинкой, крошечным отблеском созданного человеком света, падающим в бесконечность. Где-то позади, затерянные на дальних берегах беззвёздного моря, остались Земля, Солнце и форпосты знакомых миров. Впереди простирались бескрайние неизведанные территории Стрельца — звёздные джунгли, где невооружённому глазу казалось, будто пространство до отказа забито пылающими солнцами и туманностями.

Пятеро на борту корабля хранили молчание. Четверо были погружены в воспоминания о том времени, когда они уже проходили этим путем, и мысли о том, что ещё ждёт впереди. Один — Эзра Гурни — просто не находил слов. Он был ветераном космоса. Он уже считался ветераном, когда Курт Ньютон еще только появился на свет. Он знал Солнечную систему вдоль и поперек, от Плутона до Меркурия, и знал, как могут сиять ничем не заслоненные звезды.

Но сейчас все было по-другому — это путешествие в глубочайший космос, это преследование звёздных флотов и солнц до самой их гавани, это

вторжение в их владения. В каком-то смысле Эзра Гурни испытывал страх. Ни один человек, даже Курт Ньютон, не мог смотреть на это пылающее небо впереди и не испытывать хотя бы крупицы страха.

«Комета» вошла в область великих скоплений. Могучие ульи собранных воедино сияющих солнц роились, перемещаясь сквозь пространство и время и увлекая за собой тянущиеся шлейфы рассеянных звезд. Между скоплениями, за ними и за их струящимися звездными потоками сияли светящиеся облака туманностей — знамёна света, раскинувшиеся на миллионы миль по небосводу, озаренные сиянием утонувших в них солнц. А позади них всех — туманностей, скоплений и звезд — проступала черная, мрачная, лишенная света необъятность облака космической пыли.

Душа Эзры Гурни содрогнулась. Людям нечего было делать здесь, на этом поле битвы разгневанных богов. Людям? Но разве он был здесь с людьми?

— Один и четыре десятых градуса в зените, — раздался металлический голос Саймона Райта, парившего над громоздким прибором.

— Принято, — ответил Курт Ньютон и слегка скорректировал управление. Затем он спросил:

— Пыль?

— Плотность уже заметно выше средней межзвёздной, — сообщил Ото со своего места у широкой приборной панели. — По мере приближения к главному облаку она будет быстро расти.

Эзра посмотрел на них — на кубический, летающий металлический корпус живого мозга, на гибкого, нетерпеливого андроида, всматривающегося в бездну горящими зелеными глазами, на гигантскую невозмутимую металлическую тушу робота.

Нет, не люди! Он находился здесь, в великих глубинах, несясь навстречу величайшей тайне бесконечности с существами нечеловеческими, с…

Курт обернулся и коротко, устало улыбнулся ему. И бушующая паника в душе Эзры внезапно утихла. Да ведь это же его старейшие, самые верные друзья — непоколебимо преданные и надёжные.

Он глубоко вздохнул:

— Не буду скрывать, у меня едва поджилки не затряслись от всего этого.

— Впереди нас ждет кое-что похуже, — не стал утешать его Курт. — Скоро мы войдем в основное облако.

— В облако?

— В огромное облако космической пыли, окружающее Колыбель. Эта пыль рождается в Колыбели и мощными потоками растекается по всей нашей Вселенной.

— Чтобы породить новые миры?

— Да. Вайцзеккер[2] разгадал эту часть цикла еще в сороковых годах двадцатого века, когда сформулировал свою теорию образования новых планет из скоплений космической пыли.

Перед ними выросла стена солнц, пылающих подобно циклопическим горнилам, к которым «Комета», казалось, едва ползла. Чудилось, будто можно услышать грохот и гул космических кузниц, когда их крошечное судно приблизилось к этим пылающим гигантам и прошло между ними.

Слева, за звездным валом, сияла белым и яростным светом далекая туманность. Но прямо по курсу, еще дальше, мрачно высилось черное облако; по мере того как корабль неуклонно приближался, казалось, что оно пожирает Вселенную

---

[2] notes: 2

Карл Фридрих фон Вайцзеккер (28 июня 1912 — 28 апреля 2007) — немецкий физик и философ. Будучи молодым учёным, впервые получил полуэмпирическую формулу для энергии связи атомного ядра, которую назвали в его честь формулой Вайцзеккера.

своими челюстями тьмы.

— Никаких следов другого корабля вне облака, — спокойно сообщил Ото. — Внутри наши детекторы всё равно ничего не смогут обнаружить.

— У них было слишком большое преимущество на старте, — задумчиво произнес Курт. — Слишком много дней. Гарранд и этот его напарник, должно быть, уже какое-то время находятся на планете Наблюдателей.

— Если только вихри не разбили их корабль, — предположил Ото.

— Это было бы слишком хорошо, чтобы быть правдой, — сказал Курт. — Мы прошли через вихри. Значит, и они могли пройти.

Саймон спросил:

— Кертис… ты ведь не собираешься снова входить в святилище Наблюдателей?

Курт Ньютон не повернул головы.

— Придется, если Гарранд там.

— Ты не обязан, Кертис. Мы втроем могли бы пойти вместо тебя.

На сей раз Курт посмотрел на Саймона, и его загорелое лицо было напряжённым и непроницаемым.

— Ты не доверяешь мне силу Наблюдателей?

— Ты сам знаешь, что эта сила едва не сделала

с тобой в прошлый раз, — ответил Саймон. — Решать тебе.

Курт устремил взгляд вперед и упрямо произнёс:

— Я не боюсь и пойду туда за ним.

Эзра Гурни, озадаченный возникшим между ними напряжением, спросил:

— Кто такие Наблюдатели?

— Они мертвы уже целую вечность, — медленно произнес Курт. — Но давным-давно они проникли в Колыбель, разгадали её тайну и установили приборы, позволяющие управлять её силой. Вот ради чего мы здесь. Гарранд не должен воспользоваться этими приборами.

— Никто не должен ими пользоваться, — отрезал Саймон.

Курт ничего на это не ответил.

Вглядываясь вперёд, Гурни видел, как черное облако ширится на фоне полной звезд Вселенной, подобно огромной гибельной волне, неуклонно гасящей звезды. «Подходящий космический саван для величайшей из космических тайн», — подумал он. Края облака затмевали яркие звезды, и те слабо мерцали сквозь мглу, словно тускнеющие глаза.

— Эта пыль, — подал голос Саймон, — и есть но-

ворожденная материя, порожденная Колыбелью. Давление излучения выталкивает её наружу, и она растекается по всей Вселенной.

— И… сама тайна находится внутри?

— Да.

Не было какого-то определенного мига, когда «Комета» внезапно нырнула внутрь облака. Скорее, пыль сгущалась постепенно, пока летящий корабль не окутала плотная дымка — самая густая и темная впереди, но соткавшая уже столько завес позади них, что оставшиеся там звезды мерцали, словно затухающие ведьмины огни.

Корабль задрожал, столкнувшись с мощными пространственными течениями более плотной пыли. Шпангоуты и балки отозвались легким поскрипыванием, вскоре переросшим в громкий треск. По приказу Курта все поспешно пристегнулись к амортизирующим креслам.

— Ну вот, начинается, — громогласно пожаловался Грэг. — Помню, в прошлый раз мне чуть не переломало все кости.

Ото рассмеялся. Он уже открыл было рот для язвительного ответа, но сказать ничего не успел.

Эзре Гурни показалось, что «Комета» внезапно куда-то врезалась. Индикаторы на приборной панели сошли с ума, а амортизационные кресла

яростно заскрипели от нагрузок, когда невидимые исполинские руки принялись швырять корабль сквозь мглу.

Им оставалось только держаться. Даже Курт ничего не мог поделать. Теперь всё зависело от автопилота и стабилизаторов — либо они справятся, либо команде конец.

Механизмы работали безупречно. Раз за разом они вырывали потрепанное маленькое судно из яростных водоворотов пылевых течений и снова толкали его вперед. Весь корпус уже трещал и стонал от непрерывно меняющихся нагрузок, а шипение пыли, хлеставшей по обшивке, переросло в то затихающий, то нарастающий рев.

Эзра Гурни почувствовал, как внутри у него всё сжимается от ужаса. Он и так уже увидел слишком много, залетел слишком далеко. Теперь ему казалось, будто сама Вселенная — ожившая, ставшая мыслящей и враждебной — в ярости отгоняет их от своего потаенного сердца, от своей величайшей тайны.

«Комета» упрямо шла вперед, ведомая собственным механическим мозгом, пока пыль не начала редеть. Корабль мчался вперед, подвергаемый ударам вихревых потоков и омываемый потоками радиации. И тут впереди, в самой глубине

плотной черной тучи, Эзра увидел необъятное, подернутое дымкой пространство. А вдали, в этой внутренней пустоте, проступая во всем своем смутном, исполинском величии…

— Боже праведный! — вырвалось у Эзры Гурни, и это прозвучало как молитва. — Значит, это… это…

Глаза Курта Ньютона зажглись странным блеском.

— Да. Колыбель.

Подернутое дымкой пространство внутри плотного облака было поистине бескрайним. А в самом его центре высилось, мерцало и переливалось загадочное великолепие — колоссальная вращающаяся спираль белого сияния. Её вихревые рукава простирались на миллионы миль, извергая в туманные дали молнии космического излучения.

Бьющееся сердце Вселенной, огненное чрево, порождающее плоть миров, внушающий трепет эпицентр космоса! Укрытая и окутанная плотным черным облаком собственного производства, надежно защищенная бастионом страшных водоворотов и бурными приливами дикой материи, едва сошедшей с верстака творения, она освещала миллионы миль вокруг.

Своей формой она напоминала спиральную туманность — вращающуюся, кружащуюся, рассылающую свои семена в самые дальние уголки Галактики.

И Эзре Гурни, съёжившемуся в кресле и глядевшему на это далёкое туманное великолепие, казалось, что глаза людей не предназначены для созерцания этой сияющей Колыбели и разум их не способен её постичь.

— Неужели… — прошептал он. — Неужели мы собираемся туда?

Курт Ньютон кивнул. В его глазах по-прежнему читалось то странное, почти мистическое выражение: словно он мог заглянуть за пределы чуда и великолепия Колыбели — проникнуть в её сокровенное сердце и разглядеть там скрытые законы, по которым она действует и исполняет своё предназначение.

— Да, — сказал Курт. — Мы войдём туда.

Он наклонился над рычагами управления; его лицо было залито туманным сиянием, отчего оно казалось совсем чужим. С этим странным светом, пляшущим в глазах, он стал похож на полубога.

— Теперь ты понимаешь, как всё устроено, Эзра? — спросил он. — Видишь, как она вращается, словно гигантская центрифуга, затягивая в себя

отработанную энергию светил? Она закручивает её потоками невообразимой силы до тех пор, пока совершенно непостижимым образом эта энергия не сгущается в электроны и протоны, срывающиеся нескончаемыми потоками с краев этого вихря.

— Они образуют то самое сияющее марево, что заполняет пустоту вокруг Колыбели. Затем, еще дальше, они соединяются, превращаясь в атомы космической пыли. Давление излучения разносит их по всей Галактике. И уже из них рождаются новые миры.

Эзра Гурни вздрогнул, но промолчал.

— Кертис! — голос Саймона прозвучал громко и предостерегающе.

Курт Ньютон вздрогнул и откинулся на спинку кресла и снова переключил внимание на приборы управления «Кометы». Его лицо напряглось, а взгляд стал отрешенным.

И корабль помчался дальше сквозь эту бескрайнюю пустоту в самом сердце темного облака. Но каким бы стремительным ни был его полёт, казалось, будто он лишь ползет, едва-едва приближаясь к туманному колесу сияния. Бледные ведьмины огни заплясали вдоль корпуса, разгораясь всё ярче, пока металл не окутался завесами

пламени — тонкого, холодного и обладавшего какой-то жуткой видимостью жизни. «Комета» была защищена двойными экранами от излучения, но даже сквозь них Эзра Гурни чувствовал отголоски этой ужасающей мощи в собственном теле.

Пылающие рукава Колыбели все дальше и дальше тянулись в пространство. Сияние усиливалось, превращаясь в неземной блеск, обжигавший глаза, пытающиеся невольно зажмуриться. По кораблю то и дело пробегала едва заметная дрожь, возникавшая в те моменты, когда его касались самые дальние края пролетавших мимо потоков материи.

Эзра стиснул зубы, чтобы не закричать. Когда-то его занесло слишком близко к Солнцу, и он уже заглядывал в глубины атомной печи, готовой поглотить его. Но тогда он не испытывал и десятой доли того страха, что охватил его сейчас.

Щурясь от ослепительного сияния, Эзра различил центральную сферу, от которой, изгибаясь, отходили спиральные рукава, — гигантский вихрь пылающей энергии, ступицу колеса галактики. «Комета» неслась прямо туда, и он ничего не мог сделать, чтобы остановить её, ничего…

Курт направил корабль между двумя рас-

простёршимися в пространстве спиральными рукавами. Приливные волны, потоки энергии подхватили их и швырнули — словно листок в космическом водовороте — в объятия изогнутого рукава, что горел и бурлил адским пламенем преисподней. Но Курт отчаянно боролся с управлением, пытаясь вырваться, и снова упрямо вел корабль вперед, прямо вглубь…

Центральная сфера первозданной энергии вздыбилась огненной стеной, выше всех небесных сводов, и они оказались внутри нее. Казалось, будто одновременно взорвался миллион солнц. Яростное пламя подхватило «Комету» и слепо закружило её в ужасающем урагане. Эзра обмяк в кресле, почти потеряв сознание, и подумал, что проделал долгий, очень долгий путь, чтобы умереть. Ни один корабль, ни одно живое тело не могло долго продержаться в этом аду.

Силы этой космической центрифуги должны были разорвать их плоть, расщепить её на атомы, а затем, растерев до первозданного межзвездного вещества, выбросить наружу, чтобы они слились с черной пылью и начали свое вечное паломничество по бескрайним просторам, став в итоге фундаментом для какого-нибудь нового мира у чужого солнца. Человек, робот и андроид — в

конце концов все они станут единым целым.

Внезапно «Комета» вырвалась из этого адского урагана света и энергии в спокойное пространство. В пространство, заключённое внутри вращающейся центральной сферы самой Колыбели, — в оазис покоя в самом центре космической бури.

Ослеплённый и наполовину оглушённый, Эзра услышал, как Саймон произнёс:

— Здесь, в центре, есть только один мир — мир Наблюдателей, где…

Курт Ньютон, подавшись вперёд, прервал его странным приглушённым вскриком:

— Саймон, смотри! Смотри! Здесь теперь есть другие миры — миры и солнца, и… — его горло словно перехватило от изумления и ужаса, слишком огромного, чтобы его можно было выразить словами.

Эзра отчаянно пытался заставить свои ослепленные глаза снова видеть. Как только зрение начало проясняться, он тоже напряженно уставился вперед. Поначалу увиденное не показалось ему таким уж пугающим. Здесь, в просторной тихой зоне в самом сердце Колыбели, раскинулось целое скопление солнц и планет.

Рубиновые солнца, полыхающие подобно свежей крови, зеленые, белые и мрачные солнца

цвета дымчатого золота! Планеты и луны, кружившиеся вокруг этих меняющих цвет светил нескончаемыми шлейфами, сами непрерывно изменялись! Кометы, проносившиеся светлячками между мирами, мчащиеся и кружащиеся метеорные рои — астрономическая фантасмагория, запертая в этом сравнительно небольшом пространстве!

— Ты же говорил, что здесь нет других миров, кроме одного, — растерянно начал Эзра.

— Их и не было. — Лицо Курта было смертельно бледным, и что-то в его облике ранило Эзру в самое сердце. — Не было ничего, кроме того маленького голубого мира — только он один.

Эзра заметил его в центре странного, тесно сгруппированного скопления — маленькую голубую планету, представлявшую собой геометрически совершенную сферу.

— Там сосредоточение силы Наблюдателей, — хрипло продолжил Курт, — механизмы, с помощью которых они могли подключаться к самой Колыбели. И Гарранд провёл там с этими механизмами уже несколько дней.

Осознание, настолько чудовищное, что разум отказывался в него верить, настигло Эзру Гурни.

— Ты хочешь сказать, что Гарранд…

Он не смог договорить, не смог произнести это вслух. Подобное просто не могло уложиться в рамки нормальной Вселенной.

Но Курт Ньютон произнес это:

— Гарранд, подключившись к Колыбели, сам создал солнца, миры, кометы и метеоры этого скопления. Он пал жертвой древнего соблазна, самого сильного во Вселенной.

— Как когда-то едва не пал жертвой ты сам! — напомнил Саймон Райт.

— Разве человек способен создавать миры? — Эзра чувствовал себя глубоко потрясенным, к горлу подступила тошнота. — Курт, нет… всё это…

— Тот, кто способен подчинить себе Колыбель, может творить по своему желанию! — воскликнул Курт. — А инструменты Наблюдателей позволяют подчинить её!

На него словно накатило какое-то безумие. Подчиняясь его рукам, «Комета» рванула вперёд с невероятной скоростью. Эзра слышал, как он что-то говорит — то ли другим, то ли самому себе, — но не понимал.

— Существует баланс сил — всегда существует баланс! Нельзя вмешиваться в слишком многое. Нельзя нарушать его слишком сильно. Наблю-

датели оставили предупреждение, простое и страшное предупреждение.

Корабль мчался вперёд к далёкому маленькому голубому миру, неистово лавируя среди нечестивых звёзд, миров и комет, чьё появление на свет было кощунством по отношению к естественному устройству Вселенной.

Глава IV. Сила Наблюдателей

Голубой мир мерцал в лучах исполинского полярного сияния, словно безупречный драгоценный камень, чью симметрию не нарушали ни горные пики, ни неровности природного рельефа. Его поверхность отливала глянцем, напомнившим Эзре фарфор или глубокий блеск полированного лазурита.

— Наблюдатели создали его давным-давно, — произнес Курт. — Они сотворили его из энергии самой Колыбели, и он был их аванпостом в этой вселенной, где они изучали тайны творения. Здесь есть город.

«Комета» неслась низко над изогнутой равниной. Какое-то время взору не открывалось ничего, кроме безбрежной голубой глади. Что это было — стекло, горная порода, цельный самоцвет или какое-то совершенно новое во Вселенной вещество? Над ними кружились и сияли маленькие солнца со своими планетами, переплетенные огненными росчерками комет, а еще выше простиралось золотое небо Колыбели. Лицо Курта, устремленное к голубому горизонту, было бледным, напряженным и каким-то чужим.

— Вон он! — воскликнул Ото, и Курт кивнул.

Впереди показались верхушки стройных шпилей, сверкающих на свету, и мерцание гранёных поверхностей, создающее сеть сияния — словно аура, которую порой видишь во сне. Шпили устремлялись в изящную высь, складываясь в очертания города.

Стены из того же полупрозрачного голубого материала окружали башни, а в центре, возвышаясь над всеми, стояла цитадель — сооружение, напоминающее собор: столь же массивное и в то же время утончённое, как замки, что порой возникают на вершинах облаков на Земле. И этот голубой изящный город был мертв. Стены, улицы, парящие арки, соединявшие верхние уровни башен, — всё было безмолвным и пустынным.

— Корабль Гарранда, — произнес Курт, и Эзра увидел его на равнине перед городом — уродливый темный пришелец в мире, созданном вовсе не для людей.

Курт посадил «Комету» рядом. На этой планеты был воздух, ведь Наблюдатели дышали кислородом, пусть и не были людьми. Люк корабля Гарранда был открыт, но, насколько мог видеть Курт, внутри не было ни признаков жизни, ни какого-либо движения.

— Похоже, он пуст, — сказал он, — но лучше убедиться наверняка.

Эзра встрепенулся. Он вышел из корабля вместе с остальными, и сам факт движения, возможность столкнуться с понятной и человеческой опасностью принесли ему облегчение, почти радость. Он шёл рядом с Куртом, а Ото — чуть поодаль. Их ботинки гулко стучали по скользкой стеклянной поверхности. Кроме этого звука, не было слышно ничего. Город погрузился в тишину и безмолвие.

Через открытый шлюз они проникли на чужой корабль. Казалось, опасаться было нечего, но они двигались с осторожностью, выработанной за долгие годы. Эзра поймал себя на том, что ждет, надеется на какую-то стычку, на нападение. Ему нужна была хоть какая-то отдушина для того, чтобы избавиться от ужаса, что копился в нем во время этого перелета к самому сердцу Вселенной. Но узкие коридоры были пусты, и за переборками ничего не шевелилось.

И тут в главной каюте они наткнулись на человека.

Он сидел на мягкой скамье, устроенной прямо на крышках рундуков, стоявших вдоль стены. При их появлении он даже не шелохнулся, лишь

поднял голову и посмотрел на вошедших. Это был крупный мужчина из той породы людей, которую Эзра Гурни знал слишком хорошо, поскольку всю жизнь сражался с ними по всей Солнечной системе. Но теперь от былой жесткости не осталось и следа. Волевые черты его лица расслабились и обмякли, а в глазах застыли лишь безысходность и страх. Было видно, что он пил, но пьян не был.

— Вы опоздали, — сказал он. — Безнадежно опоздали.

Курт подошел к нему и остановился перед ним.

— Вы Херрик, — сказал он. — Вы здесь один?

— О да, — отозвался Херрик. — Я один. Были еще Сперри и Форбин, но они уже мертвы. — Херрик давно не брился. Черная щетина на его подбородке была подернута проседью. Он провел по ней рукой, и его пальцы задрожали. — Меня бы здесь уже не было, — продолжал он, — да только мне одному не пройти сквозь вихри. Я не смог бы в одиночку довести этот корабль до Земли. Я вообще ничего не смог бы сделать — только сидеть и ждать.

Курт спросил его:

— Где Гарранд?

Херрик рассмеялся. Это был неприятный, зло-

вещий смех.

— Вы знаете, где он. Идите и вытащите его оттуда. Заставьте выйти. Именно так погибли Сперри и Форбин — пытаясь заставить его. Не знаю, почему я сам еще жив. Не знаю, хочу ли я оставаться в живых после того, что видел.

Он встал. Подняться ему стоило больших трудов, устоять на ногах — еще больших. Казалось, будто страх выел его кости изнутри, растворил всю силу в мышцах, оставив от него лишь грузную, беспомощную тушу — сосуд, до краев полный ужаса. Его устремленные на пришедших глаза лихорадочно блестели.

— Вы меня знаете, — сказал он. — Знаете таких, как я. Можете догадаться, зачем я полетел с Гаррандом за тайной Колыбели и что собирался делать с ней потом. Я не думал, что Гарранд встанет у меня на пути. Его мозги мне, конечно, были нужны, но должно было настать время, когда они бы мне больше не понадобились. — Он сделал резкий жест рукой, словно смахивал назойливое насекомое. — Вот так просто. — Он снова рассмеялся, и этот смех больше походил на рыдания.

— Хватит! — сказал Курт, и Херрик послушно замолчал.

Он посмотрел на Курта так, словно какая-то

мысль только что зародилась в его голове, с трудом пробившись сквозь паутину страха, опутавшую его разум.

— Вы можете вытащить меня отсюда, — сказал он. В его голосе не было угрозы, только мольба — это был голос человека, увязшего в зыбучих песках и умоляющего о спасении. — Нет смысла идти за Гаррандом. Он уже не ест и не спит, он не нуждается в подобных вещах. Но кем бы он себя ни считал, он человек — и он умрёт. Просто уходите! Заберите меня на свой корабль — и улетайте!

— Нет, — ответил Курт.

Херрик снова опустился на скамью.

— Нет, — прошептал он. — Конечно, нет. Вы так же безумны, как и он.

Саймон сказал:

— Кертис…

До этого он оставался в тени, слушая диалог Херрика и капитана Фьючера, но теперь двинулся вперёд, и Курт резко обернулся к нему.

— Нет! — повторил Курт. — Я не могу просто улететь и оставить там безумца, собравшегося играться с силами Колыбели, пока не испустит дух!

Саймон какое-то время молчал, а затем медленно произнес:

— В твоих словах есть правда, но лишь отчасти. И мне жаль, Кертис… потому что я защищён от этого безумия не больше, чем ты. А возможно, и меньше.

— Я останусь здесь вместе с Грэгом, чтобы охранять корабли и Херрика, — его похожие на линзы глаза повернулись к Эзре Гурни. — Думаю, ты из всех нас будешь сопротивляться соблазну сильнее всех. Ты — человек дела, как и Херрик. А Херрик, пришдший украсть тайну, испытал лишь ужас, когда нашёл её.

Саймон больше ничего не сказал, но Эзра понял, что он имел в виду. Саймон вверял Курта Ньютона его заботам, чтобы уберечь от какой-то опасности, сути которой Эзра не понимал. У Эзры похолодело на сердце, в животе поселилась давящая тошнота, а в мыслях билось лишь одно страстное желание — никогда в жизни не покидать Землю.

Курт повернулся к Херрику:

— Идите на мой корабль и ждите. Когда мы соберёмся улетать, вы полетите с нами.

Херрик покачал головой. Он медленно поднял взгляд на Курта Ньютона, а затем снова опустить его.

— Вы никогда отсюда не улетите, — тихо про-

изнес он.

Эзра покинул корабль вслед за Куртом и Ото, искренне жалея, что Херрик произнес эти последние слова.

Они снова зашагали по звенящей стеклянной равнине, на этот раз направляясь к городской стене и высоким воротам в ней. Створки ворот стояли распахнутыми, и казалось, словно к ним не прикасались и не закрывали их уже столько веков, сколько Эзра не мог даже вообразить. Эзра и Ото прошли через них вслед за Куртом. Чуть поодаль, по обе стороны дороги, лицом друг к другу стояли две темные статуи. Эзра взглянул на них — и резко втянул воздух.

— Наблюдатели? — прошептал он. — Они выглядели так? Но… кем же они тогда были?

Ему ответил Ото:

— Они пришли из другой Вселенной, — отозвался Ото. — Саймон считал, что, судя по бесформенному строению их тел, они были текучими существами.

У каждой аморфной фигуры имелись два круглых желтых глаза, отражавших свет пылающего неба и казавшихся жутковато, сверхъестественно живыми. Эзра вздрогнул и поспешил пройти мимо, бросив беглый взгляд на причудливые

письмена, высеченные на постаментах. Он резонно предположил, что это и есть то самое предупреждение, о котором упоминал Курт, и вникать в его суть у него не было ни малейшего желания.

— Ступайте как можно тише, — предупредил Курт. — Здесь уже погибли двое. Нам нужно подобраться к Гарранду как можно ближе, прежде чем он узнает о нашем присутствии.

— Но где он? — спросил Эзра, ведь город вокруг казался абсолютно мертвым.

Курт указал на цитадель:

— Там, внутри.

Они как можно тише пошли по голубой полупрозрачной улице. Высоко над ними тонкие шпили издавали тихие, похожие на звон колокольчиков, звуки, когда их касался ветер, а хрустальные переходы гудели, словно приглушённые арфы. Мерцающий замок уже высился прямо перед ними, а в золотом небе сверкали странные звёзды. Эзре Гурни было страшно.

Перед ними оказался проём входа — высокий и простой по форме, с вырезанным над ним неведомым символом. Они миновали его, ступая бесшумно, и оказались внутри огромного сводчатого зала, похожего на главный неф собора:

его стены тянулись вверх, пока их верхушки не растворялись в золотой дымке. Эзра понял, что зал открыт небу.

Пол был сделан из того же голубого материала, что и весь город, а в центре зала, под открытым сводом, лежал массивный продолговатый блок, похожий на гигантский алтарь, с той лишь разницей, что его верхняя плоскость была усеяна сотнями маленьких сияющих цилиндров. Рядом с этим блоком стоял Гарранд. Он не смотрел ни на него, ни на вошедших мужчин и андроида. Его взгляд был устремлен вверх, в далёкое небо, и через отверстие в своде Эзра видел мерцание звёзд. Гарранд улыбался.

Курт Ньютон вышел на середину зала.

— Не подходите ближе, — мягко произнес Гарранд. — Оставайтесь там, где стоите, — этого вполне достаточно.

Курт остановился. Ото начал медленно смещаться вдоль изгиба стены, скользя словно тень. Эзра стоял немного позади Курта и чуть в стороне.

Гарранд повернулся к ним, и Эзра впервые отчетливо разглядел его лицо. Небритое, мертвенно-бледное, с запавшими от голода и истощения щеками, с темными горящими глазами, оно

было прекрасно, как никогда прежде, — в нем было что-то возвышенное, величественное и спокойное, напоминавшее спокойное море или замерзшую реку, в глубинах которых дремлет колоссальная разрушительная сила. И Эзра понял, о какой опасности, грозящей Курту, говорил Саймон. Теперь он понял, что может сделать с человеком сила, скрытая здесь.

— Значит, вы всё-таки последовали за мной, — сказал Гарранд. — Что ж, теперь это уже не имеет значения.

Он шагнул за блок, похожий на алтарь, так что тот оказался между ним и Куртом.

Курт тихо произнес:

— Вы должны уйти отсюда, Гарранд. Рано или поздно вам всё равно придётся уйти. Ведь вы человек.

— Человек? — Гарранд рассмеялся. Его рука слегка коснулась ряда маленьких сияющих клавиш. — Человек? Был им когда-то. Я был заурядным физиком, считавшим преумножение научных знаний делом первостепенной важности; я пошёл на преступление и рисковал жизнью, чтобы добраться сюда в поисках новых знаний. — Его глаза ярко блеснули. — Я пришел сюда, желая отыскать научную тайну, а нашел

источник божественной силы!

— И теперь, из-за того что вы посягнули на силы Наблюдателей и подключились к Колыбели, вы возомнили себя богом? — тон Курта был ироничным, но Эзра видел пот, выступивший у него на лбу.

Гарранд не обиделся. Он был защищен настолько колоссальным эгоцентризмом, что лишь устало улыбнулся и сказал:

— Вы можете уходить — все вы. Я не люблю болтовни. Я терпеть её не могу настолько, что с готовностью призову сюда разрушение, чтобы оно поглотило вас, если вы не уйдёте.

Его пальцы перестали блуждать по панели и замерли на определенных клавишах. Эзра Гурни почувствовал, как по его телу разливается леденящий холод. Он сипло прошептал:

— Тебе придется убить его, Курт.

Он знал, с какой скоростью Ньютон может выхватить оружие и выстрелить. Но Курт не шелохнулся.

— Разве я могу стрелять по пульту управления? — пробормотал Курт. — Скорость Ото — наш единственный шанс.

Он резко вскинул руку с полусогнутыми пальцами и громко произнес:

— Гарранд, предупреждаю вас…

Этот жест был одновременно и обманным маневром для отвлечения внимания, и сигналом. Сигналом, заставившим Ото броситься к продолговатому алтарю.

Феноменальная стремительность андроида, скорость реакции нечеловеческих нервов и мускулов сделали движение Ото почти неуловимым для глаза. Но Гарранд заметил это и с глухим криком нажал на клавиши.

В следующий миг Эзре показалось, что воздух вокруг них внезапно наполнился энергией. Золотая дымка закружилась вокруг него, потемнела, сгустилась — и всё это в один удар сердца. Он почувствовал, что вот-вот материализуется разрушительная сила, порождённая огромной энергетической матрицей окружающей их.

Сквозь сгущающуюся дымку он мельком заметил, как Ото оттаскивает Гарранда от алтаря. Увидел, как Курт бросается вперёд; с отчаянным лицом он принялся возвращать нажатые клавиши в исходное положение.

И Эзра почувствовал, как полуматериализовавшаяся призрачная сила вокруг него тает, возвращаясь в небытие.

— Что… — пробормотал он, все еще не в силах

пошевелиться.

— Смерть, — ответил Курт. — В каком именно виде — знает только Гарранд. Но теперь всё кончено.

Его голос дрожал, а руки, лежащие на клавишах, заметно тряслись. Он посмотрел вниз. Гарранд совершенно обмяк в руках Ото. Сперва Эзра подумал, что тот мертв, но затем заметил его поверхностное дыхание и слабое подергивание губ.

— Голод и истощение, — сказал Курт. — Перенапряжение. Он и без того уже держался из последних сил. Отнеси его на корабль, Ото, и пусть Саймон займётся им.

Ото без усилий поднял потерявшего сознание человека, но уходить не спешил.

— А ты разве не идешь, Курт?

— Еще нет. — Он взглянул вверх, сквозь проем в своде, на сияющие звезды, роящиеся там, где никаких звезд быть не должно. — Я не могу оставить этот дисбаланс в самом сердце Колыбели. Наблюдатели относились к этому с крайней осторожностью. Они построили свою единственную маленькую планету в точке идеального равновесия сил, где она ничего не нарушала. Но эти творения Гарранда… Я не смею оставлять их

здесь, Ото.

Ото по-прежнему не двигался, и Курт повторил:

— Иди, Ото. Гарранду нужна помощь.

Медленно и неохотно андроид повернулся и, уходя, бросил на Эзру долгий взгляд — предостерегающий и одновременно умоляющий. Затем он вышел, унося Гарранда на руках.

Курт Ньютон склонился над клавишами.

— Я не забыл, — прошептал он себе под нос. — Разве такое вообще можно забыть?

Он коснулся сверкающих клавиш — не нажимая, а лишь слегка проводя по ним пальцами и ощущая заключённое в них могущество, невообразимый контроль над материей.

Эзра хрипло спросил:

— Что ты собираешься делать?

Курт поднял взгляд туда, где в золотой дымке плыли маленькие солнца — те самые, что могли вызвать хаос в этой космической утробе, где полагалось находиться лишь семени материи.

— Смотри, — сказал он. — Я собираюсь уничтожить то, что создал Гарранд.

Эзра смотрел. Медленно, осторожно Курт набрал на клавишах определенную комбинацию, и вокруг рубиновой звезды, подобно слабому

полярному сиянию, заплясали волны и полосы золотой энергии. Они росли, набирали силу и превращались в потоки свободных электронов, изливавших свое вещество в маленькое солнце.

Эзра заслонил глаза рукой, но слишком поздно. Звезда превратилась в новую, но без последующей стадии коллапса, характерной для таких светил. Ярость электронной мощи, обрушившейся на неё извне в этом вселенском вихре энергий, начисто смела каждый фрагмент взрывающихся атомов, возвращая их в родительское пылевое облако.

Рубиновая звезда перестала существовать, а вместе с ней исчезли и ее миры.

Теперь руки Курта замелькали над клавишами быстрее, увереннее. А Эзра Гурни испуганно сжался у алтаря, ослепленный, оглушенный, потрясенный яростными взрывами далекой материи, разрываемой на части.

Сколько времени он просидел так, скорчившись, пока в небе полыхали гигантские сполохи света и грохотали космические молоты, старик так никогда и не узнал. Но настал миг, когда всё стихло. Он поднял глаза и увидел Курта: тот стоял, замерев, опустив неподвижные руки на клавиши и запрокинув голову, словно всматривался в

самые дальние, недосягаемые уголки неба.

Эзра окликнул Курта, но тот не ответил. Старик коснулся его и окликнул снова, но с тем же успехом можно было обращаться к изваянию — разве что под его пальцами ощущалось едва уловимое, напряженное подрагивание крепкого тела Курта.

— Курт! — крикнул он.

Курт очень медленно опустил голову и посмотрел на него с неким изумлением, словно совсем забыл о существовании Эзры Гурни.

— Все кончено, Курт?

— Да. Всё кончено.

— Тогда пойдём отсюда.

Но взгляд Ньютона — этот чужой взгляд, уже не замечавший мелочей вроде людей и устремлённый куда-то в неизмеримые дали, — снова скользнул по рядам клавиш и обратился вверх, к небу.

— Еще мгновение, — тихо произнес он. — Всего одно мгновение.

На его скулах проступили два красных пятна, в остальном же его лицо сделалось белым как мрамор. Эзра разглядел в нем первые признаки того экстатического транса, той пугающей красоты, что наложила свой отпечаток на лицо

Гарранда. Курт улыбнулся, и сухожилия на его руках плавно шевельнулись, когда он ласково провел пальцами по клавишам.

— Какие миры я мог бы создать… — прошептал он. — Гарранд был всего лишь мелким человечком. Я мог бы сотворить такое, что ему и в самых смелых снах не снилось.

— Курт! — в панике закричал Эзра. — Очнись, уходим!

Но его голос бесследно утонул в чужих грезах, и Курт прошептал едва слышно:

— Я бы не стал их оставлять. Я бы разрушил их потом… Но я мог бы сотворить…

Его пальцы уже складывали на клавишах новую комбинацию. Эзра посмотрел на свои узловатые старые руки и понял, что они слишком слабы. Он взглянул на пистолет и понял, что здесь оружие совершенно бесполезно. Отчаянно пытаясь найти способ пробиться сквозь эти грезы, Эзра закричал:

— А смог бы ты создать еще одну Землю?

Какое-то время он не был уверен, что Курт его услышал, — не был уверен, что тот вообще способен слышать. Затем в глазах Курта появилось смутное изумление, и он переспросил:

— Что?

— Смог бы ты создать еще одну Землю, Курт? Смог бы собрать воедино горы и моря, построить города, наполнить их мужчинами, женщинами, детскими голосами? Смог бы ты создать еще одного Ото, Грэга или Саймона?

Курт медленно посмотрел на свои пальцы — согнутые, жадно замершие над ждущими клавишами, — и на его лице промелькнуло подобие ужаса. Он резко отдернул руки и стремительно развернулся, спиной к алтарю. Он выглядел больным и глубоко пристыженным, но грезы больше не омрачали его лицо, и Эзра наконец-то смог вздохнуть спокойно.

— Спасибо, Эзра, — сипло произнес он. — А теперь уходим. Уходим, пока я еще могу.

Чёрное облако осталось позади, «Комета» мчалась прочь от него, словно испуганное существо, — назад, сквозь огромные сверкающие скопления солнц, уже не внушавших им ужаса. Курт Ньютон молча сидел у панели управления, и лицо его было настолько задумчивым и мрачным, что Эзра Гурни не решался заговорить.

Эзра смотрел только вперед, потому что ему совсем не хотелось оборачиваться и заглядывать в главную каюту. Он знал, что то, чем занимался там Саймон, было абсолютно безвредным и

крайне необходимым, но во всем этом было нечто настолько жуткое, что видеть сам процесс ему не хотелось.

Он заглянул туда лишь однажды и увидел Саймона, парящего над странным проектором, который Грэг и Ото соорудили над головами одурманенных, пребывающих в бессознательном состоянии Гарранда и Херрика. Эзра поспешно ушёл оттуда.

Он молча сидел рядом с Куртом, наблюдая за тем, как огромные звёздные скопления медленно проплывают мимо, пока наконец Саймон Райт бесшумно не влетел в рубку управления.

— Всё сделано, — произнес Саймон. — Гарранд и Херрик проснутся еще нескоро. А когда придут в себя, они ничего не будут помнить.

Курт посмотрел на него.

— Ты уверен, что стер абсолютно все воспоминания о Колыбели?

— Совершенно уверен. Я использовал сканер, чтобы заблокировать все каналы памяти, связанные с этой темой, и перепроверил всё, допросив их под гипнозом. Они ничего не знают о Колыбели. Тебе нужно подготовить для них подходящую историю.

Курт кивнул.

— Мы подобрали их здесь, в глубоком космосе, когда их корабль вышел из строя во время исследования космических лучей. Это вполне соответствует обстоятельствам — у них не возникнет никаких сомнений.

Эзра слегка вздрогнул. Даже сейчас ему казалось жутким, что можно навсегда лишить человека части его воспоминаний и жизненного опыта.

Курт Ньютон заметил его дрожь и понял, в чем дело. Он произнес:

— Это не причиняет им вреда, Эзра, — и это необходимо.

— Крайне необходимо, если мы не хотим, чтобы тайна Колыбели снова выплыла наружу, — добавил Саймон.

На некоторое время в рубке воцарилось молчание; корабль медленно плыл сквозь космическую мглу и сияние звёзд. Эзра заметил, что мрачная тень, лежавшая на лице Ньютона, стала ещё глубже, когда тот посмотрел сквозь хаос солнц и туманностей в сторону далёкой, очень далёкой искорки Солнца.

— Но однажды, — медленно заговорил Курт, — однажды, в не столь отдаленном будущем, множество людей устремится в эти края. Рано

или поздно они найдут Колыбель. И что тогда?

Саймон ответил:

— Нас уже не будет, когда это случится.

— Но они всё равно доберутся туда. И что тогда произойдёт?

У Саймона не было ответа на этот вопрос, как не было его и у Эзры Гурни. А Курт заговорил вновь, и голос его звучал глухо от тяжких предчувствий.

— Я иногда думаю, — произнёс Курт, — что жизнь, человеческая жизнь, разумная жизнь — это всего лишь смертоносный агент, с помощью которого звёздная система обрекает себя на уничтожение в космическом цикле, куда более грандиозном и удивительном, чем кто-либо мог вообразить. Видите ли… звёзды и планеты рождаются из изначальной пустоты, они остывают, а на остывающих мирах зарождается жизнь. Жизнь развивается, достигая всё более высоких уровней разума и могущества, пока…

Курт на мгновение замолчал, и на его губах появилась ироничная усмешка:

— … пока жизнь на этом мире не становится достаточно разумной, чтобы подчинить себе энергии космоса! И когда это происходит, неизбежно ли то, что несовершенные смертные

распорядятся этими энергиями столь губительным образом, что в итоге уничтожат собственные миры и звезды? Не являются ли жизнь и разум всего лишь смертоносным семенем, заложенным в каждой вселенной — семенем, которое неизбежно должно эту вселенную погубить?

Саймон медленно произнес:

— Это страшная мысль, Кертис. Но я не верю в неизбежность описанного тобой. Давным-давно Наблюдатели нашли Колыбель, однако они не пытались использовать её силу.

— Мы не похожи на Наблюдателей, мы — люди, — с горечью отозвался Курт. — Ты же видел, что эта сила сделала с Гаррандом и со мной.

— Знаю, — ответил Саймон. — Но, возможно, к тому времени, как люди найдут Колыбель, они станут такими же мудрыми, какими были Наблюдатели. Возможно, тогда они тоже будут достаточно сильны, чтобы отказаться от этой силы. Нам остается только надеяться.